

291. 22

ДАВИД САСУНСКИЙ

Перевод
ВЛАДИМИРА ДЕРЖАВИНА

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

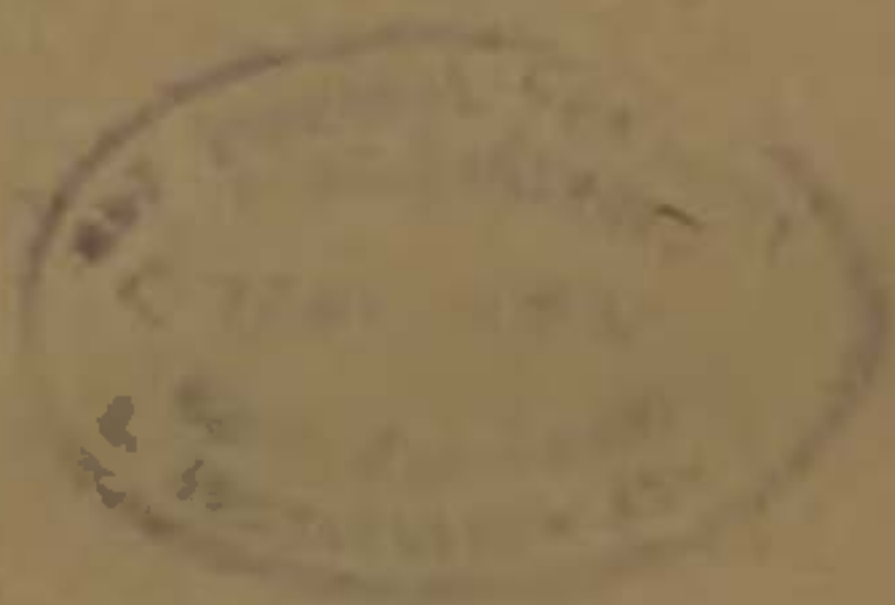
№ 40—41

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)

„ПРАВДА“

МОСКВА—1939

На обложке рисунок художника Е. С. Кочара
«Бой Давида с Мерамеликом».

6744
40

Отв. редактор И. ШАМОРИКОВ.

Техред. М. ЗЕТИНСКАЯ.

Издательство ЦК ВКП(б) «Правда».

Изд. № 1133.

Уполномоч. Главлита РСФСР А—20651. Зак. тип. 1505. Тираж 50.000.

Статфор. А—105 × 148 мм. 2 п. л.

Кол. экз. в п. л. 51. 00.

Кн. сдана в набор 1 /VII/ 1939 г.

Подп. к печ. 27/XI 1939.

Сматрировано в тип. газ. «Правда» имени Сталина, отпечатано
в 18 тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский, 10.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тысячелетний эпос армянского народа «Давид Сасунский» по идейной глубине, богатству и стройности формы является беспримерным поэтическим памятником и должен быть поставлен в одном ряду с величайшими народными эпосами мира.

Основная тема эпоса — борьба армянского народа с иноземными захватчиками-арабами.

Как повествование эпос является историей четырех поколений богатырей «великого сасунского дома» и соответственно этому состоит из четырех частей, или «ветвей».

Первая ветвь повествует о родоначальниках богатырской семьи и о начале борьбы с хищниками-арабами.

Чтобы завладеть прекрасной Цовинар-ханум, дочерью армянского царя Гагика, Халиф вторгается в Армению. Для спасения родины Цовинар жертвует собой и соглашается стать женою Халифа. Перед отправлением к Халифу она пьет из «ключа сладкой воды», бьющего со дна моря, две пригоршни — полную и неполную. От полной рождается исполин Савасар, от неполной — Багдасар, богатырь, но с половинной силой в сравнении с Санасаром. Братья вырастают в плену у Халифа. Уйдя от Халифа, они построили неприступную крепость

из нагроможденных скал — «Сасун», что значит — ярость.

Санасар достает со дна моря «огненного» коня Джалали, молнию-меч и доспехи, которые становятся боевым достоянием Сасуна и переходят из поколения в поколение, пьет из «ключа вечных сил» и делается несказанно могучим.

Расправившись с Халифом, братья поселяются в Сасуне с матерью своей и дядей Кериторосом. Сасун становится «большим городом», в котором никто ни с кого «не взимает налогов и податей».

Братья совершают много подвигов на благо народа. У Санасара от дочери царя Каджей Дехцун-Чух-цан рождаются три сына: первый — Верго, он был так труслив, что «ни на что не годился»; второй — Дзенов-Оган, голосистый, вычноголосый, горлан. Перед тем как кричать, он обматывал себя семью шкурами и семью цепями, чтобы не лопнуть. Третий сын — Мгер — настоящий герой, и о нем повествует вторая часть эпоса.

В пятнадцатилетнем возрасте Мгер убивает льва, державшего в страхе всю страну. К нему по наследству переходят конь Джалали и меч-молния Санасара. Мгер пьет из «молочного источника», «родника вечных сил», и делается могучим, как и его отец. Он убивает злого «Белого Дэва» и освобождает прекрасную Армаган, которая становится его женой. Он побеждает Мсрамелика — царя арабов, и Мсрамелик, испугавшись силы Мгера, предлагает ему дружбу и побратимство.

Когда Мсрамелик умер, вдова его Исмия-хатун по договору становится женой Мгера. У нее от Мгера рождается сын, младший Мсрамелик, которому мать с младенчества внушает вражду к Сасуну. Узнав про это,

Мгер возвращается из Мсыра, арабской страны, на родину. Здесь у него и у Армаган рождается сын Давид — герой третьей, самой большой части, — именем которого назван весь эпос. Армаган и Мгер умирают при рождении сына.

После смерти Мгера арабы снова покоряют Сасун и облагают его тяжелой данью.

Сирота Давид растет в Мсыре, в плену у Мсрамелика, своего брата по отцу. Мсрамелик 4 года держит ребенка в темнице, так что тот забывает о солнце и о свете. В семь лет Давид так силен, что уже опасен Мсрамелику. Он отсылает Давида в Сасун, приказывая убить его по дороге. Покушение не удается. Побеждает Давид.

Сасунцы сперва смотрят косо на мальчика-богатыря. Его сделали пастухом, но пастух из него вышел плохой. В полной юмора главе «Давид-пастух» описывается, как Давид, не отличая козлят от зайцев и коров от медведей и тигров, сгоняет «с семи гор» диких зверей и приводит вместе со стадом в Сасун, чем смертельно пугает жителей. Давид завоевывает любовь народа геройскими подвигами. Он уничтожил шайку разбойников-дэвов и вернул сасунцам похищенное у них дэвами добро.

Он перебил посланные Мсрамеликом с карательной целью отряды Холбаши и Козбадина. Тогда Мсрамелик решает стереть с лица земли непокорный Сасун и убить Давида. Глава, повествующая об этом, называется «Бой Давида с Мсрамеликом»; она является идейным средоточием и поэтической вершиной великого эпоса. Эта глава предлагается здесь читателю.

Убив в единоборстве Мсрамелика и освободив родную страну от хищников, Давид женится на прекрас-

ной богатырше Хандут-хатун. У них рождается Мгер-младший, герой четвертой ветви эпоса Предки Мгера: Санасар, Мгер-старший и Давид — всю жизнь борются с иноземными хищниками, посягающими на их страну, и победа Давида увенчивает эту долгую борьбу. Характеры их мужественно просты и благородны, как их борьба на благо своего народа, борьба, являющаяся их судьбой и содержанием всей их жизни.

Мгер унаследовал героические и глубоко человеческие черты своих предков. Уже в младенчестве он непомерно силен. Со дня рождения и до семи лет он не видел своего отца Давида, отправившегося в Грузию и Азербайджан за тем, чтобы вывезти оттуда невест для сорока богатырей, искавших вместе с ним руки Хандут-хатун, и которых та отвергла ради любви к Давиду.

Семилетним мальчиком Мгер идет на поиски отца. Встретившись, Давид и Мгер не узнали друг друга и вступают в бой. Давид узнает Мгера по золотому запястью и кладет на сына заклятие, пожелав, чтобы Мгер стал бессмертным и бездетным за то, что заставил своего отца впервые испытать страх.

Давида предательски убивает его дочь, рожденная им от владычицы⁹ Хлата вероломной Чимшрик-Султан. Узнав о его смерти, Хандут бросается с башни. Мгер мстит за убийство отца, убивает Чимшрик-Султан, уничтожает город Хлат, убивает даже последнюю хлатскую кошку, чтобы и тла от ненавистного города не осталось.

Ненавидящий всякую ложь, рыцарственно честный Мгер уничтожает монастырь, где жили предатели-монахи. По просьбе своей жены Гоар он истребляет «западные» войска и освобождает родину своей жены.

Он убивает козбадиновых внуков, которые подросли и осадили Сасун, убивает людоедку, которая пожрала почти всех жителей города Алепа и даже своих отца и мать. Бурную реку, которая, разливаясь, разрушала город Джезиру, Мгер разделяет на два потока, бросив в реку огромную скалу, и спасает город от наводнения.

Так, странствуя по земле, Мгер совершает великие подвиги на благо народа — освобождает угнетенных и уничтожает поработителей. Мгер страстно желает уничтожить зло, несправедливость и угнетение на земле, чтобы радостной, обильной и свободной жизнью жил каждый простой труженник. Но сильно и неискоренимо было зло.

Умирает Гоар — жена Мгера, умирает его дядя Оган. Не находящий себе места на земле, обреченный на скитания, осиротевший Мгер гневно вызывает бога на бой. Бог высылает на него «семь ангелов на конях». Бой длился целый день. Под Мгером начала оседать «ослабевшая и одряхлевшая» земля; насквозь лживая и несправедливая, она не могла и не хотела носить исполина Мгера, бессмертного борца за бессмертную правду трудового народа.

Желая испытать, кто прав — он или «бог», т. е. владычество зла и несправедливости, — Мгер ударяет мечом в огромный утес, восклицая:

«Расколется — на мне нет греха,
Не расколется — грех на мне.
...Пополам раскололась скала.
Мгер и конь Джалали в скалу ушли.
Скала вмянулась, срослась».

(Пер. А. Кочеткова)

Однажды утес раскрылся. Мгера увидел некий пастух и спросил: «Когда из пещеры выйдешь, Мгер?» Мгер ответил:

«Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда станет пшеница лесного ореха крупней,
Крупней шиповниковой ягоды ячмень,
Тогда придет мой день, отсюда я выйду в тот день».

(Пер. А. Кочеткова).

Наступило это время, предчувствованное, предсказанное народным сердцем, тысячелетия жданное человечеством. Армянский народ, как герой созданного им эпоса — исполин Мгер,— вышел из многовековой тюрьмы горя и угнетения и в великой сталинской семье плечом к плечу с братьями-народами воздвигает новый прекрасный мир — коммунизм.

Поэтические достоинства эпоса велики. Мощно вылепленные фигуры героев дышат яркой, полнокровной жизнью, всем богатством человеческих страстей и чувств — высокой любви и справедливой ненависти.

Стихи эпоса звучны, ритм разнообразен и выразителен, стих не скован искусственной формой, а льется свободно, бурно и естественно, как горные реки. Лучшие чувства свои, горячую любовь к родине и беззаветную готовность встать на защиту ее, лучшие чувства свои, закаленные в многовековой борьбе с вавилонскими, персидскими, римскими, арабскими, монгольскими и другими хищниками-завоевателями, вложил армянский народ в свой эпос, и тем дорога нам, советским людям, эта вдохновенная и пророческая песнь героизма, мужества и великодушия, песнь, предсказавшая Великую Октябрьскую революцию и наступление всечеловеческого счастья. И лучшие, самые звучные струны наших сердец сейчас откликаются страницам эпоса, повествующим о том, как Мгер-младший вышел в бой за освобождение дружественного народа, подобно тому, как наши Давиды и Мгеры, герои Красной

Армии, выступили на защиту западных братьев и защитили и освободили их навсегда.

Наш всесокрушающий меч-молния и огневое дыхание нашего волшебного коня Джалала сокрушат и спалят любую враждебную силу, любого Мсрамелика, который осмелится посягнуть на наше спокойствие и хоть на миг попытается помешать нам на нашем победоносном пути к всечеловеческому счастью, к коммунизму!

Владимир Державин.

ВОЕННЫЙ КЛИЧ МСРАМЕЛИКА

Над тремя частями земли была у Мелика власть.
Но не был подвластен ему Сасун — четвертая
часть.

Созвал меджлис Мелик. Сошлись за князем
князь.

Принес корыто царь, поставил пред собой,
Ударил бритвой в лоб себя,
И кровь в корыто полилась.
И кровью той Мсрамелик
Написал боевой приказ:

«Полночным странам — мой бранный клич!
Восточным странам — мой бранный клич!
Южным землям — мой бранный клич!
Запад, внемли мой бранный клич!
Полкам и войскам и войска вождям:
Все, кто носит оружие, да придут!
Война! Война!

Спешите, пароны!¹
Летите лавиной,
С отвагою львиной
И силой великой!
Эй, широколобый,
Лопатоязыкий
Народ! В бой с неверным зову тебя!

¹ Пароны — господа.

Мне многие множества смелых юнцов нужны для
войны!

Мне многие множества вдовьих сыпов нужны для
войны!

Мне множества чернобородых бойцов нужны для
войны!

Мне множества рыжих, как львы, удалцов
нужны для войны!

Мне множества белых, как снег, стариков нужны
для войны!

Нужны мне тьмы верховых на белых конях!

Ах! на белых конях!

Нужны мне тьмы верховых на рыжих конях!

Ах! на рыжих конях!

Нужны мне тьмы верховых на черных конях!

Ах! черных конях!

Мне тысячи тысяч нужны, чтобы громко
в трубы трубить!

Ах! громко в трубы трубить!

Мне тысячи тысяч нужны,— в мои барабаны бить!

Ах! бить в барабаны! Бить!

Идите ко мне! Без числа я воинов пеших зову!

Ах! пеших зову!

Летите, игиты! Идите за мной

С неверными в бой!»

Вот срок прошел не столь велик;

Увидел Мсрамелик:

К нему войска идут со всех сторон.

И вышел к войску он

И громко песню спел:

«На добрых конях летят храбрецы,
Сто тысяч числом,—пришли они!
Вот в черных усах спешат удальцы,
Сто тысяч числом,—пришли они!
Вот в рыжих кудрях несутся бойцы,
Сто тысяч числом,—пришли они!
Вот все в седирах подходят отцы,
Сто тысяч числом,—пришли они!
Трубят трубачи, трубят молодцы,
Сто тысяч числом,—пришли они!
Гремят барабаны, гремят, как гром!
Пришли семь царей из семи сторон,
Помощники мне в свирепой войне!
Пришли мои слуги! Война! Война!»

Затмили даль войска пешком и на конях.
Стал передний отряд на речных берегах,
Коней напоил, реку обмелил.
А средний отряд до самого дна реку осушил.
Последний отряд даже камни на дне облизал,
Остался последний отряд без воды.

Вот войска стали станом на мсырских полях
И спросили Мелика: «Кто же наш враг?
На кого наших копий и сабель замах?»
Тот ответил: «Давид в сасунских горах!
Он мой враг: он убил много наших людей!
Помогите ж мне,—
Должен я пойти покарать его!»

ПОХОД МСРАМЕЛИКА

А в эту ночь Исмил-хатун увидела три сна.
Отхлынул сон. Пошла она
На ложе к сыну села, говорит:
«Сын, не ходи в Сасун; смотри, опасен для тебя
Давид!»

Мне в эту ночь приснился сон:
Угасала Мсыра звезда,
Засверкала Сасуна звезда.
И мне второй приснился сон:
В поле мсырский конь убежал,
Конь сасунский его настигал.
И третий мне приснился сон:
Сасунская земля была светла, тепла,
А здесь, над Мсыром, тучи шли, был мрак, был
дождь и мгла;

И стал потоп, но кровь, а не вода текла.
И трупы без числа несла.
Я молю — согласись со мной,
Не ходи на Давида войной!»
Мелик сказал: «Ты, лживая, молчи!
Спишь для себя, а сны ты видишь про меня.
Я должен истребить Сасун».
«Коль ты пойдешь, — сказала мать, —
И я пойду, не брошу тебя».
Сын молвил: «Ты женщина, ты не ходи».
Мать ответила: «Нет, я иду с тобой!»

Отобрала Исмил-хатун сорок женщин и сорок
дев,

И две пары, чтоб на шаваре¹ играть.
И две пары, чтоб на зурне играть,
Чтоб играли они, танцевали они,
Утешали ее в пути.

* * *

И вот Мелик войска повел
В Сасун. Сам впереди пошел.
В предел Сасуна ввел войска.
Там, где шумит Лерва-река,
Он станом в поле стал.
И не было шатрам числа,
Так стан Мелика был велик.
Хвост войска влачился еще вдалеке,
Голова же собрала все камни в реке,
Запрудила реку.
Тогда Мелик письмо Давиду написал:
«Иду на вас войной! Иди, воюй со мной!
Иль опрокину я войска на город твой,
И всех мужчин у вас убью,
И город ваш сожгу, и крепость повалю,
До кровель кровью затоплю,
Сгною поля, возьму в полон!»

Огану принесли письмо,
Прочел Оган, сказал:
«Неужто он на нас идет войной?»

¹ Шавар — свирель.

Куда ж он столько войск привел? Что ж делать
нам?

Нет войск у нас! Как воевать?»

Плачет Оган. По его бороде

Слезы горячие льются.

Сказал: «Нам может помочь только бог,

А больше никто не поможет!..»

Прочли в Сасуне письмо, и ужас на всех напал.

Но Давид пока ничего не знал.

СМЯТЕНИЕ В САСУНЕ

Горлан-Оган прочел письмо
И трусу-Верго показал.
Когда Верго узнал,
Что Мсрамелик привел войска и на поле Лерва
Разбил шатры, тогда сказал Верго:
«Мы слабы, Оган! Не нам, воевать с Меликом
самим».

Обманем давай Давида: мы с ним
Устроим кутеж, его напоим,
Потом всех жен и дев возьмем,
Мелику со всем добром отдадим
И сами пройдем под его мечом,—
Быть может, над нами сжалится он».

Горлан-Оган устроил пир.
Давиду много дали вина;
О семи ушках котел с вином
Принесли, поставили на стол.
Пришел на пир Кери-Торос
И молвил: «Горячая кровь в ребенке! Боюсь,
Что силу свою он сгубит в бою».
Пусть он опьянеет, пусть дома сидит.
Потом сказал: «Давид, лао¹!
Коль выпьешь ты весь котел вина,

¹ Лао — сынок.

6744
40

Тогда ты в правду игеров сын,
А коль не выпьешь,— не сын ты ему».
А тот: «Кери, котел наполни до краев!»
Кери котел ~~на~~полнил до краев,
Давид к губам котел поднес,
Пил, пил, до дна опустошил.
И выскользнул котел из рук,
А сам он вдруг так опьянел,
Что на пол упал, вахрапел.
Тогда в бубен Торос забил, вскричал:
«Встаньте живей,
Котот-Мотот,
Ануш-Котот,
Выжик-Мыхо,
Чынджха-Порик,
И Хор-Манук,
И Хор-Гусан,
И Чор-Виран,
Встаньте живей!
Нынешний день лучше всех дней!
Мы поглядим:
Малое — малым, большое — большим,
Или Мелику поможет бог,
Или, быть может, поможет нам!»

Тридцать восемь своих сыновей он созвал,
И скорей приказал он шатры увязать
На коней. Сыновей заставил седлать
Боевых скакунов. Сели все, понеслись.
Средь крутых холмов тридцать девять шатров
Он разбил.
Там решили станом стоять,
А с рассветом пойти на мельников рать.

Душа у жеяы Тороса болит.
Она говорит: «Тороса убьют,
Сынов и племянников наших убьют,
И к нам придут и нас убьют,
Под корень подрубят, в щепу разнесут».
В изголовьи давидовом села она,
Обожгли ее слезы Давиду лицо.
Давид проснулся, сел, спросил:
«Нани! бог тебя храни!
Как ты можешь плакать, пока я жив?»
А она: «Ах, лао, Давид, сатана тебя задави!
Ты Мелика войско разбил,
А Мелик в сто раз большее войско привел.
А с ним на бой Кери пошел.
Мелик Торосика убьет,
Придет и всех нас убьет,
Под корень нас подсечет,
В плен возьмет, во Мсыр уведет!»

Тут Давид рассердился так,
Что пропали и сон и хмель.
Он встал, свой лук и стрелы взял,
Сказал: «Не бойся, жди меня, Нани!
Мелик сейчас ответ получит от меня».
И вышел прочь.

ДАВИД СНАРЯЖАЕТСЯ В БОИ

Пришел Давид к Огану, сказал:
«Дядя! дай мне коня и меч, чтоб идти на бой!»
Оган говорит: «Иди и бери
В конюшне любого коня,
А меч любой со стены».
На Давида с усмешкой Верго поглядел
И сказал: «Давид! как Мелика убьешь,—
Отруби ему ухо и мне привези!»
Скрепился Давид, промолчал.
Взял Давид на конюшне одра,
Взял тупой и заржавленный меч.
Поехал на одре.
Вновь старуха предстала пред ним
И кричит: «Эй, Давид! Ты, сыночек, куда?»
Говорит ей Давид: «На Мелика иду,— воевать».
Старуха смеяться над ним пачала:
«Ты будешь хорош, коль с этим старьем на
 битву пойдешь!
Ты все ж на отца никак непохож».
Рассердился Давид, спросил у нее:
«Так с чем же мне выйти в бой?
Ну, дай мне вертел или кочергу,
И я тогда пойду!»
А та говорит: «Ты свет моих глаз, сыночек,
 Давид,

Позволь мне сказать два слова тебе,— а там
поезжай».

«Что ты, старая, скажешь? Скорей говори!»
И старуха сказала ему:

«Иль не было у твоего отца молнии-клинка?
Иль не было у твоего отца Джалали-конька?
Иль на ногах у жеребца не было подков
стальных?

Иль не было у жеребца перламутрового седла?
Иль не висела на седле пара стремян золотых?
Иль не было у жеребца кованой стальной узды?
Иль не было у твоего отца аксамитовой кабы¹?
Иль не было у твоего отца боевого шишака?
Иль не было у твоего отца золотого пояска?
Иль не было у твоего отца шаровар парчевых?
Иль не было у твоего отца двух сапожек
цветных?

Иль не было у твоего отца на деснице креста
побед боевых?»

«Где ж все это лежит?» — спросил Давид.
Старуха ответила: «Дядя твой
Все спрятал и проклял того,
Кто укажет тебе, где отцово добро.
Коль скажу я,— проклятье падет на меня.
Но если теперь так трудно тебе
И пришел Мелик, чтоб сразиться с тобой,—
Ты доспехи отца у Огана спроси.
Но знай: добро отца он не отдаст добром:
Бери за шиворот его, трясси,

¹ Каба — одежда, армяк.

Пока неволей не отдаст.
Тотчас к Огану вернулся Давид,
За шиворот схватил его, потряс,
Приподнял с земли, встряхнул еще раз и молвил
ему:

«Отдай мне молнию-меч отца!
Отдай мне отцовского жеребца,
Сталью подкованного Джалали!
Отдай перламутровое седло!
Отдай мне пару стремян золотых!
Отдай мне кованую узду!
На коня Джалали я надену ее!
Отдай мне шлем моего отца!
Отдай золотой поясок отца!
Отдай мне кабу моего отца!
Отдай парчевые шаровары отца!
Отдай сапожки цветные отца!
Отдай ратный крест с десницы отца!

Но знай, если все не отдашь добром,
Я кверху дном весь дом подыму,
Найду и возьму!»
Вздохнул Оган, сказал:
«Сдохни тот, кто тебе эту тайну открыл!
Как узнал бы ты? Кто-то тебя подучил.
Да! В тот год, как умер брат мой Мгер,
Я одежды его под порогом зарыл.
Что ж, пойдем, я отдам».
Отдал платье Оган.
Домой принесли, оделся Давид;
Одежда была ему велика.
И молвил Оган: «Давид, мой родной,

Доспехи я скрыл глубоко под дом в большом
погребу.

Ты сорок крутых ступенек пройдешь и там под
землей

Доспехи отца твоего найдешь.

Коль вынесешь их,— и в бой ты хорош,

Но не суйся в бой, коль их не возьмешь!»

Но то был Давид! Он в погреб пошел,

Глядит он: висят доспехи отца.

Он их обхватил, взвалил на плечо,

Понес и принес к Огану на свет.

Оган обрадовался, увидав его,

Сказал: «Авось, теперь заменит Мгера он!

Я Мгеру брат — и то не мог доспехи его подымать,

А мальчик поднял и принес».

Горлан-Оган сказал: «Давид,

Со дня, как умер твой отец, и по сей день

Коня Джалали я держу взаперти

В конюшне большой,

Камнем дверь заложил,

Корм и воду ему через кровлю даю,

Боюсь, что коня похитит Мелик,—

Гулять не вожу, в конюшне держу».

Повел племянника Оган,

Издалека конюшню показал

И сказал: «Там стоит конь отца твоего,

Если можешь, иди и коня выводи!»

Давид от двери камень отвалил,

Дверь распахнул, без страха в дверь шагнул.

Как увидал Давида Джалали,

Доспехи Мгера он узнал

И радостно заржал.
Вот подошел Давид, за гриву взял коня,
Протер глаза коню, погладил, обласкал.
Обняхал конь его, заплакал конь.
Взял вывел скакуна Давид на свет;
Увидел Джалали, что перед ним не Мгер,
Копытом об землю грянул конь,
И брызнул из земли огонь.
По-человечески скакун заговорил:
«Ты прах и в прах я тебя обращаю!
Что ты будешь делать со мной?»
А Давид сказал: «Сяду я на тебя!»
Джалали говорит: «Я тебя в высоту подыму,
Об солнце ударю, сожгу!»
А Давид говорит: «Я перевернусь
И спрячусь тебе под живот!»
Конь сказал: «Я на горы тогда упаду,
Разобью, искромсаю о скалы тебя!»
И Давид говорит: «А я повернусь
И на спину сяду тебе!»
Конь сказал: «Если так,—
Ты хозяин, а я твой конь!»
И ответил Давид коню:
«Не имел ты хозяина — я стану им!
За тобой до сих пор не ходили — я стану отныне
ходить!
Не кормили тебя, не поили — я стану кормить
и поить!
Не скребли тебя и не мыли — я стану скрести
и мыть!»
И молвил Давид Огану: «Отдай
Перламутровое седло!»

Тот седло принес и сказал про себя:
«Каждый раз, как Мгер Джалали седлал,
Как подпруги затягивал он,—
Каждый раз на дыбы коня подымал.
Коль подымет Давид коня на дыбы,
Он может идти на бой.
Не подымет коня — не может идти».
Стал Давид седлать Джалали,
За подпругу Давид потянул
И все ноги коня от земли оторвал.
И Давид Огану сказал:
«Дай мне ратный крест отца моего!»
Дядя молвил: «Дать не могу,
Ты достоин его,— он пристанет к деснице твоей.
Не достоин его,— не пристанет к деснице твоей!»

По велению божьему, тут
Ратный крест к деснице Давида пристал.

Сел Давид на коня Джалали,
Велел играть на сазе отца,
Затрубил в его Пыглори-трубу.
Раза два проехал мимо крыльца,
Все — и стар и млад — поглядеть пришли.

Внимательно на него Горлан-Оган поглядел,
Заныло сердце его, и горестно он запел:
«Жаль тысячу раз! Расставаться жаль,
Расставаться жаль с Джалали-конем,
Ах, хала — с Джалали-конем!
Расставаться жаль с дорожным седлом.

Ах, хала — с дорогим седлом!
Сбрую жаль терять в наборе стальном,
Ах, хала — в наборе стальном!
Жалко отдавать боевой шелом,
Ах, хала — боевой шелом!
Жаль терять кабу, что лучше других,
Ах, хала — что лучше других!
Жаль мне пояска из блях золотых,
Ах, хала — из блях золотых!
И еще мне жаль сапожек цветных,
Ах, хала — сапожек цветных!
Жаль мне, жаль креста побед боевых,
Ах, — креста побед боевых!»

От обиды света не взвидел Давид,
Он схватился в гневе за меч,
Дядю он хотел ударить мечом
Но Горлан-Оган запел:

«Мне Давида жаль, мне родного жалы!
Ах, хала — мне родного жалы!
Мне оленя жаль, молодого жаль,
Что уходит из дому в даль!»

Как пропел Оган — мне Давида жаль, —
Давид сказал: «Дядя мой!
Это слово жизнь тебе спасло,
И не пропой ты его, —
Я бы голову снес тебе!
Я за слово жизнь тебе подарил.

Что ж ты прежде пожалел

седло и коня,

А потом меня?

Ты меня бы должен был

пожалеть сперва!

Молнию-меч тебе жаль иль меня?

Пояс из блях тебе жаль иль меня?»

Дядя молвил: «Давид, ненаглядный мой!

То я слезы лил по тебе!»

Слез с коня Джалали Давид,

Поцеловал Огана в лоб, сказал:

«Пусть я буду достоин твоих забот!»

Едва Оган те слова услышал,—

На мгеровом сазе велел он играть,

Во мгеров бубен велел грохотать,

Во мгеровы трубы трубить приказал.

ПРОЩАНИЕ ДАВИДА С САСУНЦАМИ

Давид поднялся, прынул на коня,
И к богу он воззвал;
Подошли молодицы

И славу пропели Давиду:
«Не разлуки с тобой мы хотим
О, брат наш Давид!
Возвращенья тебе мы хотим
О, брат наш Давид!
Не ухаживали до сих пор
Мы, Давид, за тобой!
Но мы будем ходить с этих пор
За тобой, наш Давид!
Будем холить тебя и беречь
О, брат наш Давид!
Будем на руки воду лить
Тебе мы теперь,
Сапожки на тебя надевать
О, брат наш Давид!»

Обернулся Давид, горожанам отдал поклон,
Поселянам отдал поклон.
Мужчинам и женщинам отдал поклон, сказал:
«Братья и сестры! Не бойтесь врагов,
Иду я за вас с Меликом на бой.
Сестры! вам — добро оставаться!
Все вы сестрами были мне.

Матерям — добро оставаться,
Матерям вы были мне.
Добрым соседям — добро оставаться!
Старым и малым — добро оставаться!
Часто, соседи, был я вам в тягость,
Не помняйте лихом меня!
Хозяйки добрые, хлеб затевая,
Вспомните имя мое!
Вы тоже, юноши, пир начиная,
Вспомните имя мое!
Моя сестры! Матери! Братья мои!
Прощайте, иду сражаться за вас».

А когда говорил Давид,
У бабка его Дехцун-Чух-цам
Исполнился давний обет.

В тот день, как умер Мгер, ее сын,
Дехцун-Чух-цам обет дала:
Заперлась за семью дверьми,
Поклялась не видеть солнца она,
На свет не выходить,
Пока дитя не родится в роду,
Чтобы место Мгера занять.

Одна служанка у ней была,
Приносившая пищу ей.
Когда велел Давид играть на мгеровом сазе
большом, —
В башню служанка обед несла.

Спросила Дехцун-Чух-цам:

«Струны мгерова саза, я слышу, звенят!

Что же случилось там?»

Служанка молвила: «Хатун, иль ты не поняла?

Встал Давид, надел одежду отца,

Доспехи отцовы надел,

И сел на Джалали Давид,

Это саз отцовский звенит,

Идет Давид на Мелика!»

И Дехцун-Чух-цам тогда с места поднялась:

«Давнее желание мое!

Ты исполнилось,— иду на свет!»

Пошла, взглянула из окна

И видит: юноша Давид

На Джалали сидит.

Воскликнула: «Джалали мой родной!»

Удивился Давид, глядит,

А Дехцун-Чух-цам говорит: «Джалали!

Без отца мой Давид — будь отцом ему!

Без родимой Давид — будь родимой ему!

И без брата Давид — будь братом ему!

Ты к молочному ключу отца

Давида умчи!

Пусть напьется из ключа Давид,

потом отдохнет.

Пусть поскачет потом к испытаний столбу

И пусть там испытает меч Давид!

Тебе, мой Джалали, вручаю я Давида»,

«Добро, бабуся!» — конь сказал.

Давиду крикнула тогда она:

«Давид, отец твой указал коню

Все тропы, все пути;
Все знает Джалали.
Был у Мгера молочный источник в горах,
Конь тебя понесет к нему.
У источника сядешь ты,
Ты напейся, умойся молочной водой,
У источника ляжешь потом
И уснешь над ним, отдохнешь.
Ты этой водой напой Джалали
И пусти его там пастись!»
«Добро, бабуся», — молвил Давид.
И умчал Давида скакун Джалали.

ДАВИД У ЧУДЕСНОГО КЛЮЧА

Давида конь помчал в отцовский Цовасар.
Когда Давид пустился в путь,
Такой густой туман на землю пал,
Что было пути совсем не видать.
Но как голубь летел Джалали сквозь туман.
«Что ж, это дело божьих рук! —

Давид говорит: —

И лучше волю дать сейчас
коню Джалали,
Куда захочет, — пусть бежит».

То был Джалали! Он летел и летел
И путь семидневный за час совершил.
Поднялся на темя горы.
На вершину горы прискакал и стал.
И вдруг разлетелся туман.
Конь на колени встал у родника.
Давид решил, что Джалали устал,
И так сказал: «Ах, вах, Джалали!
Лучше б шею себе ты сломал!
Я думал: через кровавые реки
Меня ты перенесешь.
А ручеек на пути повстречался,
и ты на колени встал!»
Что ж ты будешь делать в бою,
Если здесь боишься ручья?

Как же я на Мелика с тобой пойду?»
Стременами Давид ударил коня,
Ребро ему сломал,
И в гневе конь сказал:
«На солнце я тебя могу сейчас швырнуть,
Но ради Мгера — пощажу!»
Давид рассердился, схватился за меч,
Хотел зарубить коня.
Вынул наполовину меч из ножен,—
Свежий ветер тогда вдруг обвеял его;
Он опомнился — голос коня услышал;
Конь сказал:
«Здесь молочный источник Мгера!
Слезь и испей воды
И горсти две воды брось на мои бока!»
Давид сошел и в лоб коня поцеловал,
Смочил ему бока водой из родника
И на траву коня пастись пустил.
Сам напился из родника,
Умылся, лег, уснул.
Стал против солнца Джалали
И над Давидом простер свою тень.

Проснулся. И чует Давид,
Что он стал могуч. Одежда отца
Сделалась тесной ему.
Он поглядел на Джалали —
Стал вдвое больше конь.
Конь заржал, словно гром загремел, подбежал,
Давид зануздав его, сел на него,
Засмеялся и поскакал.

Глядит Давид: железный толстый столб
Среди пути стоит.
И конь сказал: «Давид,
Вот этот столб, что видишь ты,—
Столб испытанья Мгера.
С размаху разрубишь — пойдем воевать!
А не разрубишь его — не пойдем».
Меч выхватил Давид, ударил по столбу.
Меч-молния тот столб рассек.
Так быстро рассек его молния-меч,
Что столба отсеченный кусок не упал,
Остался кусок на куске.
А Давид и не знал, что он столб разрубил;
Огорчился Давид,
Увяло сердце в нем, и он сказал:

«Ноги! Были б слабыми вы,
Никогда б сюда не дошли,
Чтобы мне по столбу не бить,—
Не увяло б сердце мое!

Руки! Были б слабыми вы,
И не смели б взяться за меч,
Чтобы мгеров столб разрубить,—
Не увяло б сердце мое!

Очи! Были б темными вы,
Вы не видели б этот стыд,
Что я столб не мог повалить,—
Что с Меликом не биться мне!»

Вдруг ветер налетел, завыл
И вихорь взвил,

Как буря был,—внезапен был.
Ударил он в железный столб
И столб свалил.
Давид глядит и видит: гладкий срез,
Где столб он разрубил.
Заликовал, сказал:

«Вечно зеленеть ногам,
Быть бы им еще резвей,
За то, что я столб железный рассек!

Вечно зеленеть рукам,
Быть бы им еще сильнее,
Чтоб живым от них не ушел Мелик!

Это видевшим глазам —
Не погаснуть ввек!»

Сказал, погнал коня.
У тех камней, холмов, и гор и родников
Прошенья попросил
И так им с пеньем говорил:

«Как бог, творящий добро,
В щедротах неиссякаемы вы!
Эй! Студеные родники Цовасара,
Отрадными оставайтесь вы!
Буду жаждать в бою, принимая удары,—
В тоске обо мне оставайтесь вы!
Прохладные ветра Цовасара,
Отрадными оставайтесь вы!
Буду полон я томленья и жара, —
Прохладными оставайтесь вы!

БОИ ДАВИДА С АРАБСКИМ ВОЙСКОМ

Умолк. Погнал коня на войско Мсрамелика.
Он видел, есть небесным звездам счет,
А тем шатрам арабским счета нет.
Стал на горе Давид,
Глядит: несметнее морских песков кишат войска.
Он головою покачал, сказал:
«Боже мой! Как же мне с громадой такой
воевать?»

Будь они даже стадом весенних ягнят,
А я был бы голодным львом,—
Я не смог бы всех задрать, растерзать!
Когда б я пожаром стал,
А стогами стали шатры,
Я б не смог их испепелить, пожрать!
Если бы пеплом стали они,
А я ураганом стал,—
Я не смог бы их поднять, разметаты!»

Джалали угадал его думы, сказал:
«Эй, ты, малонер! Отчего твой страх?
Сколько твой меч сразит,
Столько я своим огненным дыхом спалю!
Сколько твой меч сразит,
Столько грудью я повалю!
Сколько твой меч сразит,
Столько копытом я раздавлю!
Не унывай, гони меня!
Лишь не разлучайся со мной...»

От этих слов окреп душой Давид.
Он поскакал. Коню сказал:
«Стой! Я предупрежу сперва,
А после нападу».
И Давид со скалы закричал: «Эгей!
Эй, кто спит, поскорей вставай!
Кто проснулся, коня взнуздай!
Кто взнуздал, свой меч надевай!
Кто с мечом, на коня влезай!
Не говорите потом, что Давид
Как вор пришел и ушел тайком!»

Умолк Давид. Ворвался в стан,
Рубил, рубил и говорил:
«Скачи, мой конь! Скачи,
Рази, мой меч, рази!».
Мечом рубил, конем давил.
Поток кровавый трупы уносил.

Кери-Торос взглянул
На войско Мсрамелика.
И видит он: среди войск
Смятение; со всех сторон
Тревога, вопль и стон.
Друг друга люди топчут, бьют.
Тогда сказал Кери-Торос:
«Ну, други, подымайтесь, с нами бог,
Резня пошла в войсках Мсрамелика!
Нагрянем снизу мы на них».
Так сверху, в лоб, арабов бил Давид,
А снизу, в тыл, их бил Кери-Торос.

ДАВИД И СТАРЕЦ-АРАБ

В войсках Мелика был араб-старик,
Отец семи сынов.
Его и семерых сынов его
Насильно на войну пригнал Мелик.
Идет старик,
Кричит: «Вай-вах! Вай-вах!»
И без оружия, с открытой головой
Он выступил из гущи войск,
Сказал: «Дорогу мне! К Давиду я иду,
Ему я все скажу, спасу от смерти вас!»
Пришел, перед Давидом встал,
Сказал: «Давид, голубчик мой!
Удержи коня, послушай меня,
Я слово тебе скажу!»
«Что ты, дедушка, скажешь?» — спросил Давид.
Старик сказал: «Давид, мой дорогой,
Ведь это люди, существа живые!
За что ты губишь их?
Ведь жены дома есть у них,
И дети есть у них...
Ты их перебьешь, а грех их детей
Повиснет на шее твоей!
Все они обездоленный, бедный люд,
Это войско несчастное ты пожалей!
Тот — опора матери старой своей,
Тот — женился недавно и пригнан сюда,

Тот — оплот и надежда малых детей,
Тот — родителей престарелых звезда».
«Зачем же воевать со мной они пришли?»
Старик сказал: «Что ж было делать нам?
Мелик насильно нас привел,
Мы не враги тебе! Твой враг — Мелик,
иди и с ним воюй!»
«А где ж Мелик?» — спросил Давид.
«А вон, смотри в зеленом том шатре он спит,
Златое яблоко над тем шатром блестит.
От Мелика мух отгоняют семь дев,
Семь нянек пятки чешут ему.
Дым, что клубится над шатром,
Ведь то не дым,
То изо рта Мелика пар валит.
Коль ты убьешь его, Давид,
Молиться будут за тебя бойцы.
Они домой уйдут, где ждут

их дети и отцы!»

И сжалился тогда Давид,
Убийства прекратил
И молвил: «Ну, старик,
Хорошее слово ты мне сказал,
Исполню слово твое!»

ДАВИД ОБМАНУТ МСРАМЕЛИКОМ

Давид примчался. Пред шатром
Он осадил коня.
Глядит: лежит Мелик в шатре
На тюфяке, укрывшись одеялом.
Семь дев от него отгоняют мух,
Семь дев чешут пятки ему,
Семь дев сердце гладят ему,
Семь — голову гладят ему.
А мать в изголовье сидит, за всем следит.
А пара арабов-слуг у дверей стоит.
«А ну, разбудите его! — арабам Давид говорит.—
И пусть он выйдет из шатра».
Ответили они:
«Нельзя его будить. Он должен спать семь дней.
Три дня он спит. Еще проспит
четыре дня и встанет сам».
Давид сказал: «Не буду я
Ждать, покамест выспится он,
Мне наплевать на сон его,
Пусть выйдет он ко мне!
Коль смерти нет, я буду смерти!
Коль ада нет, я буду ад!
Я усыплю его великим сном!»

Вот вертел раскалили,
К ногам Мелика приложили.

«Уф, девушки! — сказал Мелик.—
Вы плохо постелили мне:
Влоха меня укусила во сне». —
И снова Мелик захрапел.
От плуга лемех взяли, раскалили,
К ногам Мелика приложили.
Сказал: «Уф! Сколько блох в постели у меня!
Кусаются, поспать не дают!»
Тут не стерпел Давид, копьем взмахнул,
Меликову пятаку копьем проткнул
И закричал: «Вставай, Мелик! Довольно спать!»
Мелик сказал: «Уф! Уф!
Подремать, успокоиться мне не дают!»
Поднялся, сел,
Ручищу он на веко положил,
Другую — на другое веко положил,
Продрал глазища, выглянул наружу,
Глядит, а перед его шатром Давид
Сидит на Джалали верхом,
Весь кровью обогрен.
Едва узнал Давида Мсрамелик,
Натужился, подул, чтоб с места сдуть его,
Но не шелохнулся Давид.
А Мсрамелик ослаб на сорок буйволовоих сил.
Давид сказал: «Я пришел сразиться с тобой». —
Захохотал Мелик:
«Ах, чорт тебя возьми, Давид-заика!
Ты всадником давно ли стал?
Но раз уж ты стоишь перед моим шатром,
Сойди с седла, пойдешь сюда,
Помиримся, поговорим.
Здесь отдохнем, а бой начнем потом!»
Давид ответил: «Не сойду!

Людей невинных ты сюда пригнал
И бросил их на смерть,
А мы с тобою будем отдыхать?
Нет, выходи на бой!»
Тогда пришла Мелика мать,
Сказала: «Ты, Давид, в пути устал,
Сойди с коня, сядь, отдохни,
Поборетесь поточ!»
Просила долго мать. Решился слезть Давид
с коня.
Отпрянул конь. Он мудрый был, все понимал.
Яму в двадцать сажен глубиной
выкопал в шатре Мелпк,
Яму сеткой железной накрыл,
Сетку сверху ковром застелил,
Чтоб Давид пришел и сел
и в яму упал.
Сошел Давид с жеребца Джалала,
Встал конь на дыбы, ускакал,
Убежал на вершину горы...
Давида посадили на ковры.
Дырымб!.. Он в яму полетел!
Железная с кольцами сеть
натянута в яме была,
И в кольца те попал Давид
И вырвать рук и ног из них не мог.
Мелик накрыл его решоткою стальной,
И мельничные жернова
На ту решотку навалил, сказал:
«Ай, страшно! Давид сасунский пришел,
Захотел Мелика побить!
Сасунский Давид-зайка пришел,

С Меликом в бой вступить он захотел, ай-ай!
Так пусть он там сидит, покуда не сгниет!»
Наступила ночь, Мелик улегся спать.
Остался в западне Давид.
Пускай в той яме Давид сидит,
А теперь о ком мы весть дадим?
О Горлане-Огане весть дадим.

ОГАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПОМОЩЬ ДАВИДУ

В ту ночь Горлан-Оган увидел сон:
Сияла мсырская звезда — ярка, светла,
Сасунская звезда была темна.
Оган проснулся и сказал: «Скорей вставай, жена!
Мсырская звезда светла была,
Сасунская звезда темна!
Я клянусь, мы теряем Давида!»
Сарие сказала: «Бог обрушь твой дом!
Ты засыпаешь для себя, сны видишь про
других».

Опять заснул Горлан-Оган.
Вновь он увидел сон:
Мсыра звезда яркосветлой была,
Почти угасала Сасуна звезда.
Оган проснулся и сказал: «Скорей вставай, жена!
Снилось мне: засверкала Мсыра звезда,
И совсем угасала Сасуна звезда».
Сарие сказала: «Обвались твой дом,
И чего ты не спишь, старик?
Что ты мне поспать не даешь?»
И вновь заснул Горлан-Оган,
И снова он увидел сон.
Он видел: примчалась Мсыра звезда
И проглотила Сасуна звезду.
И закричал Оган: «Жена, вставай, Давид убит!»

Сказал Горлан-Оган:

«Пусть множество моих забот не в прок тебе
пойдет!

Что там до утра я найду: Давида или труп?»

Пошел Оган,

На спину черного коня ручищу положил,

На брюхо не рухнул черный конь.

В лоб черного коня поцеловал Оган,

Сказал: «Эй, черный конь!

Когда до поля боя Давида

ты домчишь меня?»

Ответил конь:

«Коль удержаться сможешь ты на мне,

В стремя вступив левой ногой,

То раньше чем правую ногу

ты над седлом занесешь,

Я тебя до поля боя домчу!»

Садиться стал Оган на черного коня:

Он в стремя встал одной ногой,

Пока другую ногу нес через седло,

Взметнулся конь,

Был огненный! И долетел

До темени горы Лерва.

Когда Джалали Горлана-Огана узнал,

Заржал, к Огану подбежал.

Испугался Оган, сказал:

«Убит Давид, а конь Джалали

По горам и ущельям один ускакал!»

Встал на стремя Оган, закричал:

«Эге! Давид, где ты? Эге-й!

Великую вспомни Марут!

Вспомни победный крест,

Что на деснице твоей!
Вставай, встряхнись!»

Оган кричал, как гром гремел.
Зов услышал Давид,
И он сказал: «Ай-ай!
Дядя мой пришел за мной,
Он зовет меня...
Эх!.. О, великая Марут!
О, ратный крест на правой руке!
Молю вас, помогите мне,
прибавьте силы мне!»

Встряхнулся, рванулся в кольца Давид,
Вместо ямы открылось поле пред ним.
Цепи и кольца до неба взвились.
Поднялись жернова, в облака унеслись,
Каждый жернов по сорок бойцов раздавил.

Давид из ямы вышел и сказал:
«Не вздумай больше ты со мной хитрить, Мелик!
На рассвете как мужи поборемся мы!»

Мсрамелик не смел к Давиду подойти.
Пошел Давид искать коня.
Вновь закричал Оган: «Давид! Сюда! Сюда!»
Давид пошел на зов, к Огану подошел.
Но конь Джалали подойти не хотел...
Взмолился Давид к коню Джалали.
Конь подошел. Сел Давид на него.
Огану сказал:
«Ты, дядя, ступай домой,
А я с Меликом биться пойду!»

БОЙ ДАВИДА С МСРАМЕЛИКОМ

К Мелику прискакал Давид, сказал:
«Мелик! Ты обманул меня вчера,—
Что будешь делать ты теперь?»
Ждет Давид, держит руку на палице.
Как увидел Давида Мелик,—
Задрожал он от страха, сказал:
«Давид, родной, иди посиди!»
Но ответил Давид: «На бой выходи!»

Тогда Мелик велел
Коня Кейлана привести.
К Мелику подвели коня,
Сел на коня Мелик,
Примчался на Майдан.
Раза два проскакали по полю они,
И Мелик у Давида спросил:
«Как нам биться,— сразу или чередом?»
«Как угодно душе твоей»,— молвил Давид.
И Мелик говорит:
«Я хочу чередом:
Ты сперва меня трижды ударь,
Трижды я ударю потом.
Решим — кто первым будет бить».
Давид сказал: «Ты старший. Первый бей!»

На землю слез Давид с коня,
Средь поля стал. Сказал:
«Бей! Очередь твоя,—
Трижды ударь меня».
Взял палицу свою Мелик,
К Фаркену поскакал.
И, миновав трехдневный путь,
Коня поворотил,
И на Давида налетев,
С разгону палицу пустил.

Земля загудела, взвыла как пес от удара.
Как под плугом, что сорок волов волокут,
Распоролась, взрыхлилась земля!
Мгла и облаки пыли и небо и землю закрыли,—
Эта пыль, эта мгла и за сутки осесть не могла.
Крикнул Мелик: «Ты землей был, Давид,
И я тебя в землю опять превратил!»
Но Давид отвечал: «Я пока еще жив.
Это первый удар! Ударь еще раз!»
«Ай! Ай!» — сказал Мелик.
«Видно, короток был мой разбег,
Был у палицы мал размах,
Чтоб Давида сравнять с землей!»
Вновь повернул коня Мелик,
Диабрекира достиг.
На Давида оттуда Мелик налетел,
И в Давида он палицу смаху пустил.

Загудела земля, словно лев зарычал,
Разорвалась земля, словно ливни размыли ее.
Мгла и облаки пыли и небо и землю закрыли,

Затмили солнечный свет.

Два дня и две ночи пыль над Давидом стояла.

И спросил Мсрамелик: «Эй, Давид! Жив ли ты?

Ты был землей и стал землей!»

Но Давид отвечал: «Я пока еще жив.

То второй удар! Ударь еще раз!»

«Эх, эх!» — сказал Мелик — «Был мал

разбег моего коня!

Был размах моей палицы, знать, не велик,

Чтобы разом Давида убить!»

И снова ускакал Мелик,

До Мсыра доскакал.

От Мсыра разогнал коня

И грянул палицей в Давида.

Словно под громом весенней грозы

вздрагнула земля,

Словно от землетрясения

задрожала и затрещала земля.

Мгла и облаки пыли и небо и землю закрыли,

Затмили солнечный свет.

Над Давидом три дня и три ночи плыли

облаки пыли и мгла.

Мелик сказал: «Убит Давид, раздавлен палицей
моей.

Он был землей и стал землей!»

На третий день,— лишь облаки пыли и мгла от

земли отошли,—

Стал на место Давид на коне Джалали.

Сказал: «Ты три удара мне нанес,

И очередь моя теперь».

«Тыфу! — говорит Мелик.— Дай я еще пойду!»

«Нет! — отвечал Давид.— Куда тебе идти?

По уговору — мой черед!
Мир держится порядком иль насильем?»
Пришла Мелика мать, Исмил-хатун,
И говорит: «Давид! Мелик — твой брат,
Не поступай вероломно с ним!»
«Мать! Я не поступлю вероломно с ним,
Честно я три удара ему нанесу!»

Мелик сказал: «Давид, прошу тебя:
Дай срок,
Пусти,— я лягу под шатром,
Ты бей меня тогда».
Давид ему: «Поди, ложись. Но ты скажи сперва:
Чем тебя мне ударить: палицей или мечом?»
Мелик подумал так:
«Коль эдакой палицей грянет Давид,
Возможно ль вынести удар?»
И вслух сказал: «Ударь мечом!»

Пришел Мелик в шатер и матери сказал:
«Трижды я ударил его,—
С ним не сделалось ничего.
Теперь Давид придет и здесь меня убьет».
А мать ему: «Сын! В яму полезай...»
Спустился в яму Мсрамелик.
Вот сорок буйволовых шкур — взвалили на него.
Огромных сорок жерновов — взвалили на него,
Накрыли одеялом жернова.
Мелик ухмыляется, в яме сидит.
«Ну,— думает,— пусть ударит Давид!»
Все угадал Давид,— не проведешь его.
Пришел он: видит гору жерновов;
Высоко жернова лежат над краем ямы,

Под одеялом — будто бы Мелик.
Но знал Давид, что он не так велик.
И тут же мать его стоит.
Но не сказал Давид: мол, дайте поглядеть.

Вскочил Давид на Джалали,
До Цовасара доскакал.
И, вскинув молнию-меч,
Назад коня погнал,
Чтоб нанести удар.

Тогда Исмил-хатун открыла грудь свою,
И преградила путь и говорит: «Давид!
Я кормила тебя; я растила тебя!
Ты за это мне первый удар подари!»
Давид спросил: «Марэ! Почему ж до сих пор,
Как удары Мелика обрушивались на меня,
Ты ни разу не молвила: сын, подари мне удар?»
И опустил свой меч Давид, взмахнул им,
побряцал,

Потом поцеловал клинок,
И приложил ко лбу, и молвил: «Мать,
Первый удар тебе я дарю!»

И снова ускакал Давид,
И вновь принесся с гор, чтоб нанести удар.
Сестра Мелика преградила путь:
«Давид! Когда ты был дитя,
Я няньчила тебя,— играла я с тобой;
Подари мне второй удар!»
Вновь опустил свой меч Давид — два раза им
взмахнул,
Поцеловал клинок

И, приложив его ко лбу, сказал:
«Второй удар тебе дарю!»
Остался лишь один удар — да бог, да я!
Убью, иль — пусть живет!..»

Вновь повернул Давид,
К Сасуну прискакал,
И от Сасуна взял разбег.
Уж приближался к яме он.
Увидела его Исмил-хатун,
И вот всем девушкам своим, что привезла
с собой,

Она приказ дала:

«Дуйте в свирели!
В трубы играйте!
В бубны бряцайте!
Ваши капкиры¹ в руки берите!
Мило пляшите, нежно пляшите!
Это Давид — паренек неженатый,
Он заглядится, слабо ударит
И не убьет Мелика!»

Девушки встали,
Взяли свирели,
В трубы и в бубны
В миг заиграли
И заплясали.

Но поял все Давид.
«Зачем они пляшут? — он сказал. —

¹ Капкир — музыкальный инструмент.

Заворожить меня хотят».
Воскликнул: «О, высокая Марут!
О, ратный крест!»
И грянул молнией-мечом.

Меч расколол все сорок жерновов,
Рассек все сорок буйволовых шкур,
Чудовище-Мелика разрубил,
Рассек от лба до ног,
На три сажени в землю врос,
Дошел до черных вод,—
И если б ангел не заткнул дыру своим крылом,—
Они бы затопили мир...

Из ямы крикнул Мсрамелик:
«Еще я жив, Давид!»
Давид ответил: «Мсрамелик, а ну, встряхнись!»
Встряхнулся в яме Мсрамелик
И развалился пополам,
И околел Мелик.

ВЕЛИКОДУШИЕ ДАВИДА

«Марэ! — сказал Давид, —
— Снять надо одеяла, — поглядеть!»
«Нет! — говорит, — уйди! Мы снимем без тебя».
Давид подъехал к груде жерновов
И сбросил одеяла.
И видит: сорок жерновов
Все пополам расколоты мечом.
Взял, отшвырнул рукою жернова.
Глядит: все сорок шкур
Разрублены его мечом.
Тут к яме подошла Исмил-хатун,
Зовет: «Мелик! Мелик!»
Молчала яма.

Там сидели меликова мать и сестра
И рыдали.
А потом обратилась к Давиду Хатун:
«Давид! Убил ты моего Мелика!
Что ж делать? Ведь и ты — мой сын, Давид!
Иди возьми его жену.
Сасун, как был, — твоя земля,
И Мсыр теперь — твоя земля!»
Давид ответил ей:
«Я родился у матери — чист. Не смешаю
С правдой лживое, скверное с чистым.

Если хочешь, в Сасун я тебя заберу».
Та в ответ: «Нет, сыночек, Давид!
Я в страну Сасун не пойду».
Сказал: «А в страну Сасун не пойдешь,—
Вернись. Мсыр тебе отдаю,— живи!»

Давид покинул шатер.
Он к войску коня повернул.
И всех, кто из войск уцелел,
Призвать он велел и сказал:
«Вам всем дарую волю я!
Идите все туда, откуда вы пришли.
Идите по домам, живите, как вы жили,
И дани с вас не нужно мне.
За жизнь мою молитесь и за души
Родителей моих!
Сидите дома у себя спокойно,
Не вздумайте ходить войною на Сасун!
Но коль подымете вы вновь оружие против нас,
Коль нападете вновь на нас,— то знайте:
В какой бы яме ни сидели вы,
Какими б жерновами
Ни укрывались вы,—
По чести встретит вас Давид,
Вас молния-меч сразит!»

Давида поблагодарило войско,
Благословило. Но бойцы
Не верили, что Мсрамелик убит...
«Да! — говорят,— Давид, мы за тебя умрем!
Бог помоги тебе на всех твоих путях,
Во всех твоих делах!

Царство небесное Мгеру; отцу твоему,
И матери твоей Армаганіа
Порадовался их словам Давид.
Исмил-хатун войска взяла и в Мсыр ушла.

Все там бывшие воины и полководцы
Во все стороны света к себе разошлись
И о подвиге славном Давида
Всюду весть разнесли:
Мол, исполнил Давид отцовский завет,
Мелика убил Давид,
Освободил Сасун,
Помиловал Исмил-хатун
И нас освободил и отпустил домой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДАВИДА В САСУН

На поле сраженья узнал Торос,
Что Мелик Давидом убит.
Бой прекратил Кери-Торос,
К Давиду прискакал.
Повернул Давид жеребца Джалали.
Повернули коней за Торосом вослед
Тридцать восемь его удалцов.
Едут в Сасун.
Что ж за добычу они везли?
Ничего они не везли.
Только гнали пару быков,
И быки арбу волокли.
Ухо Мелика с воткнутой пикой
На арбу взвалили, везли в Сасун
В подарок Трису-Верго.

А что ж в Сасуне делалось тогда?
Когда пришел Оган в Сасун,
— А он все войско мсырское видел,
И все шатры несметные видел,—
Войдя в Сасун, сказал Оган:
«Шатров не счесть, и войск не счесть!»
Народ сказал:
«Ах-вах! Ах-вах! Давида убьют!

Придут и наших дочерей, детей и жен возьмут!
Ах-вах, боже мой! Ах-вах, как же быть?»

Тут людей из города
На горе поставили, за врагом следить,
На пути глядеть,—
Враги идут или Давид.
Коль множество покажется людей,
Чтоб дали горожанам знать,
Чтоб город к бою был готов.
Вот видят: едет всадник впереди
И тридцать девять всадников за ним.

* * *

Вбежали стражи в город,— говорят:
«К нам едут всадники, а впереди один,
То, кажется, Давид!»
Огаву донесли: «Давид идет!»
И встал Огав встречать его!
И весь Сасун — от стариков седых до
малышей —

Навстречу повалил Давиду.
Глядит Давид, а на него с горы толпа валит.
«Стой! Что это за войско? — молвил он.—
Откуда столько у меня врагов?»
Давид погнал коня, сказал:
«Лети, мой конь!
Что ж делать, если бог еще врагов послал...»
Подскакал и видит Давид:
То Сасун идет, а Огав впереди.
Парни, девушки, старики идут, малыши бегут.
Закричал Давид: «Дядя! Что ж — и ты на меня
пошел?»

А Оган отвечал: «Давид!
Мы порадоваться на тебя пришли.
За то, что ты вернулся невредим,
мы бога благодарим!»

«А женщины эти зачем пришли?»

«Давид, они плакали до сих пор,
Боялись — убьет, мол, Давида Мелик,
Арабы придут, мужчин перебьют,
А женщин в плен уведут.

Когда ж услышали, что ты идешь,
заликовали они

И все поднялись навстречу тебе».

«Домой возвращайтесь! — воскликнул Давид,
Возвращайтесь, не бойтесь, — Мелик убит!»

Тогда Горлан-Оган

Давида в голову поцеловал,
Пот у себя отер со лба, сказал:

«Нет! Им теперь не страшно ничего!»

Пришли домой. Оган сменил
Давидовы кровавые одежды.

За стол Давида усадил.

Пошел почистил, вымыл Джалали.

В просторном стойле привязал.

Пришел Давид и сел за стол,

Сказал: — «Налейте мне вина».

И выпил он вино. И лег и спал три дня.

Когда проснулся он,

Старуха вновь пришла к нему,

Сказала: «Здравствуй, здравствуй, мой родной!»

«Бог в помощь, бабушка», — Давид сказал.

Старуха говорит:

«Со ржавым мечом на плохом коне

Хотел ты идти на бой.
А ты видел, как битва была тяжела?»
«Благодарствуй, бабуся!» — ответил Давид.
Будь мне матерью! Матери нет у меня». —
Отвечала: «Давид, я и так тебе мать.
Пойду домой, —
Коль будет в чем нужда тебе, —
Приду и помогу.
Расти, цвети, Давид!
Вчера дитя, — ты нынче взрослым стал.
Здесь больше не сиди,
Поди к Огану и скажи:
— Открой покой моего отца,
Там я буду жить,
Да лучше, красивее все устрой!»
Там добро отца твоего в сундуках.
Одеяние праздничное — ты своими руками
достань».
Попрощалась бабка, ушла.

Пришел Давид, Огану сказал:
«Открой покой моего отца,
Да красиво его убери,
Дай побольше подушек, ковров, одеял.
Я покой отца моего займу!»
Тот сказал: «Хорошо, все устрою сейчас!
Думал я, что сасунский светоч погас,
А теперь он ярче, чем прежде, горит!
Как же мне не исполнить желанье твое?
Я люблюсь на подвиг твой,
Я горжусь, что ты так могуч,
Мнится мне, что весь мир подарили мне.
Слово скажешь ты — я от счастья смеюсь!»

